

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

АРВАРЫ,

РОДИНА

БОГОВ

Арвары

Сергей Алексеев

Арвары. Родина Богов

«Алексеев Сергей»

2004

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алексеев С. Т.

Арвары. Родина Богов / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей»,
2004 — (Арвары)

ISBN 978-5-17-091413-5

От своих предков, которые в Былые времена населяли материк Арвар, расколовшийся на острова и ушедший под воду, русы, росы и расы унаследовали тайные знания, силу духа, гордость и любовь к свободе, но утратили дар вечной жизни, нарушив в погоне за удовольствиями волю богов. Князь и Закон русов Сувор желает вернуть северным народам бессмертие, а для этого высватать за своего сына, исполина Космомысла, дочь Вящеславы, последней арварки, возомнившей себя богиней. Однако никто не ведает, где искать прекрасную деву Краснозору. Она скрывается от Перуна – грозный бог тоже вознамерился взять ее в жены...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091413-5

© Алексеев С. Т., 2004
© Алексеев Сергей, 2004

Содержание

От автора	5
1	8
2	20
3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Алексеев

Родина Богов

От автора

Наше прошлое бездонно, как речной омут. И так же непроглядно, если, плавая по поверхности, просто опустить голову. Всякая попытка погружения в его глубины почему-то связана с несколькими и очень сильными чувствами, одно из которых всегда зримо и выделяется особо – страх перед неизвестностью, перед необъяснимостью и даже перед тем чудесным, что поражает воображение и еще больше вызывает страх.

Впервые я испытал его на деревенском кладбище в восьмилетнем возрасте и тем самым сделал себе прививку, как делают ее в детстве, например, от оспы. Произошло это на берегу одной из рек Кировской области – к великому сожалению, не могу точнее указать место, ибо уверен, что туда тотчас нахлынут орды жаждущих сенсаций, археологических редкостей и просто искателей приключений и потревожат покой не только наших древних предков, но и лично моих, поскольку там похоронено несколько пра– и прапрадедов.

Та к вот, в деревне умерла какая-то старушка, и сосед дядя Илья рано утром пошел копать могилу, а его жена собрала ему завтрак и послала меня отнести на кладбище. Когда я прибежал к соседу, он уже закопался по шею, а роста он был высокого, где-то метр девяносто, и теперь выворачивал со дна камни, аккуратно складывая их в пирамиду. Дело в том, что камней в этой деревне, впрочем как и в окрестных, было не найти днем с огнем, а они требовались прежде всего в баню, для каменки, при строительстве, чтоб положить под углы и еще, например, придавливать капусту в кадках. Тяжелые светло-серые валуны добывали только на кладбище, и только когда копали могилы, и то, как кому повезет – говорили, что даже в глубоких ямах иногда оказывалось пусто. Все *знали* или *догадывались*, каким образом попали эти камни в недра кладбищенской земли, но практичный крестьянский разум, воспринимающий мир таким, каков он есть, вполне допускал, что эти валуны можно использовать и по иному назначению.

Дядя Илья был доволен, поскольку выворотил их уже десятка полтора, а один черный, огромный, величиной с трехведерный чугунок и по форме похожий на чугунок, стоял отдельно на высоком старом пне. Пока сосед завтракал ипил по глоточку из посланного ему шкалика, я рассматривал камни, как большую редкость, а они подсыхали на солнце и становились белесыми. Только тот, на пне, кажется, чернел еще больше, может, потому, что был сильно испачкан сырой землей.

Совершенно бездумно я стал обметать его рукой, и тут суглинистая корка как-то легко отвалилась и я онемел от страха. Дядя Илья, должно быть, заметил и сказал печально:

– Не бойся, это кость, череп...

Я видел, что это, и больше испугался не самого человеческого черепа, а *его размеров*. В каждую глазницу, в глубине еще забитую землей, спокойно бы пролезла моя голова.

И в полный ужас приводили верхние передние зубы (череп был без нижней челюсти), на которых он и стоял, – длиннее спичечного коробка и шириной примерно в два пальца.

Наверное, чтобы как-то меня отвлечь и вывести из оцепенения, а может, вечно грустный дядя Илья просто развеселел от шкалика, – стал показывать мне другие кости, выброшенные им к тому же пню. Он примерял их к себе и говорил:

– Эта отсель, а эта отсель...

Но мне отчетливо запомнились нижняя челюсть (санки, как у нас называли) и, скорее всего, плечевая кость, которую он приставил к своей ноге, и она была ему до пояса. Кажется,

там лежало еще несколько позвонков и ребер: вероятно, копая могилу, дядя Илья наткнулся только на верхнюю часть старого захоронения, потому что больше примерял кости к своей груди.

Еще отпечаталась в голове его фраза, произнесенная без всякого удивления, как будто речь шла о чем-то знакомом и привычном:

– Эдакие дяденьки на свете-от жили, исполины...

Потом я узнал, что гигантские человеческие черепа и кости встречаются довольно часто, когда копают могилы, и есть даже верная примета: если попались, значит под ними обязательно будет площадка из плотно уложенных драгоценных валунов. Камни доставали, а кости потом зарывали тут же, в стенку или дно могилы.

Наверное, я бы в тот час убежал с кладбища, но надо было дожидаться, когда дядя Илья доест и допьет, чтоб забрать узелок с посудой. Я отошел к ближайшей сосне, но отвернуться от черепа не смог, потому что его вид притягивал и завораживал мысли.

Еще запомнилась такая деталь: под землей на черепе, когда я ее случайно скovyрнул, лицевая кость была серо-желтоватого цвета и почернела она на моих глазах, пока я ждал.

Пожалуй, вместе с этим изменившимся на солнце цветом черепа изменилось и мое детское сознание. Может, просто загорело, а скорее, обуглилось и так же почернело, ибо еще напоминало тонкую лучину, не готовую к восприятию палящего огня. По крайней мере, никогда более я не испытывал подобного страха, смутения, крайнего изумления, восторга или оцепенения, вдруг увидев нечто такое, чего по всем известным законам нет или не может быть никогда.

По стечению обстоятельств или, скорее, по обычаю, кладбище располагалось на самом красивом месте округи – на прибрежном холме среди соснового бора. Много позже я специально ездил туда, чтоб обновить чувства и впечатления, и обнаружил, что холм этот не что иное как древний, сильно оплывший курган: когда-то русло реки, вплотную приблизившись к нему, пощадило захоронение и отмерло само, превратившись в старицу со стоячей водой. Я не проводил там раскопок, потому что достаточно было обоженного мальчишеского осознания, да и кладбище давно замшело и запустилось, так что уж не понять, где старые и новые могилы.

Но именно на этом кургане у меня и родился замысел заглянуть в мир почти что запредельный – мир глубинной русской истории, за горизонт той тысячи лет, который перед нами установлен, как театральный занавес.

Меня часто спрашивают, какими архивами пользуюсь, из каких источников получаю (достаю, добываю, мою, как моют тяжелую фракцию, чтоб отыскать золото) информацию, когда касаюсь такой глубины времени, и есть ли под ней реальная, документальная основа, которую можно как-то проверить или хотя бы поверить в нее. Отвечу: есть такая основа. Есть неиссякаемый, общедоступный и одновременно самый закрытый и самый древнейший магический источник, прикоснуться к которому мешает все тот же страх.

Это – СЛОВО.

Нам все время твердят лишь о тысячелетней истории, де-мол, а до нее наши предки жили «скотским образом», прозябая во мраке и дикости. Это неоспоримая истина, все остальное – псевдонаука, самодеятельность, профанирование, ну и так далее. Вероятно, все тот же страх заставляет остепененных и умудренных мужей или приспособлять и притягивать к этой концепции, или не видеть, не замечать того, что ей противоречит.

Но к нашему счастью, существует беспристрастный Свидетель и Хранитель времени – Его Величество Русский Язык, вобравший в себя не только посмертные маски эпох, а и *живую психологию* его древних носителей. Он, как детское воображение, мгновенно реагирует на свет и огонь, и одновременно настолько велик, могуч и не подвержен никаким потрясениям, что не укладывается ни в тысячелетнее, ни даже в десяти тысячелетнее ложе суждений, представлений и концепций.

Неоспоримо то, что за минувшие десять веков «цивилизации» к нашей речи практически ничего не прибавилось, а напротив, больше утратилось в связи со слишком частой сменой идеологий. Это современная языковая надстройка, которой мы пользуемся сейчас в повседневной жизни, напоминает дикий, «скотий образ», вероятно, соответствующий духовной деградации. И все-таки, оставаясь сами с собой наедине, мы думаем и говорим на том древнейшем языке, в котором уже были заложены все представления о мире и мироздании, все понятия, краски, тона, полутона и самая нежная, тончайшая материя речи – чувства, коим столько же тысячелетий, сколько существует сам язык.

Не случайно наша РЕЧЬ имеет прямую связь с РЕКОЙ, которую можно, например, пустить по новому руслу, перекрыть плотиной или даже повернуть вспять, но ничего не подделывать с сутью, то есть с *наполнением*, ибо река питается не только видимыми ручьями и малыми речками, но более всего незримыми, таинственными ключами и родниками. Точно так же они существуют в языке, образуя независимый, не подвластный нашему сознанию *инстинкт самосохранения*, как у всего живого, теплокровного мира.

И самоочищения...

Сергей Алексеев

1

Два ромейских легиона, пришедших из Середины Земли, вспомогательная конница и три центурии наемников стояли парадным строем на берегу весеннего, полноводного Рейна уже четвертый час. От долгого ожидания, а более от студеного полуночного ветра ровные шеренги плотно сомкнулись плечами и сжались между собой, задние ряды всадников спешили и теперь грелись, прижимаясь к лошадям. И казалось, еще не приняв ни одного сражения, тридцатитысячное императорское войско уменьшилось вдвое, и оставшаяся половина настолько продрогла, что утратила бравый вид и боевой дух. Особенно легионеры, привыкшие к теплу жарких стран и экипированные так, будто готовились высадиться на Сицилию, а не на правый берег Рейна. Пытаясь разогнать по жилам стынущую кровь, они то и дело переступали голоколенными ногами, размешивая калигулами еще не просохшую липкую глину, топтались на месте галльские наемники и даже лошади, отчего над строем висел бесконечный чавкающий звук.

Легат Анпил, командовавший торжественным построением, стоял на деревянном помосте, приготовленном для императора, и непроизвольно, повинуясь общему ритму, тоже переминался с ноги на ногу. В любой момент он мог бы одним словом навести порядок в строю, но по договору не имел права держать воина в парадной стойке более двух часов, если не было дополнительного соглашения об оплате. Поэтому легат взирал на войско со снисхождением, да и не видел в строгости особой нужды, поскольку высланные для встречи Вария мальчишки-контуберналы не подавали знака. А ветер между тем усиливался и наконец-то пошел ожидаемый с утра холодный дождь со снегом.

Никто не знал, что могло так задержать императора, известного своей обязательностью и бережливостью времени еще с тех пор, когда он был обыкновенным всадником, а потом трибуном и командовал конницей. Поэтому легат кутался в плащ и с тревожным недовольством посматривал в сторону императорских шатров, поставленных на высоком прибрежном холме, прикрытом старыми, корявыми от ветра соснами. Но иногда с радостью переводил взор на близкий речной берег, возле которого стояла приготовленная для него бирема со спущенными сходнями. В трюме, спрятанные от посторонних глаз, находились его жена и три взрослых сына со своими семьями и домашними рабами, с немалым добром, нажитым за время службы в холодной стороне. Если бы в сей час кто-нибудь из его учеников-контуберналов махнул рукой, Анпил задержался бы на помосте не более мгновения – только для того, чтобы подать команду и привести в чувство тридцать тысяч очолевших воинов. Не успел бы император со свитой спуститься с холма, как сорокавесельная бирема уже бы плыла вниз по течению, унося его из опостылевшей за долгие годы рейнской провинции.

Анпил был лишен права лицезреть императора, и причиной этому была болезненная мнительность Вария.

– Почему ты так на меня смотришь? – спросил однажды только что коронованный император.

– Я смотрю на тебя, как и прежде, – признался Анпил. – Но без подобострастия, как на своего трибуна.

– Но я вижу презрение в твоем взоре!

– Напротив, император, теперь я взираю с почтением!

– И видишь во мне только всадника!

– Да нет же, Варий! – попробовал оправдаться легат. – Я зрю диадему на твоей голове! И признаю тебя августейшим.

– Ты никогда не сможешь смотреть на меня, как на божественную особу, – грозно молвил император. – Ты все время будешь сравнивать меня с тем всадником и трибуном, которого

знал. Ты будешь вспоминать, как мы, смиряя италиков, резали их детей и стариков. Как вместе с тобой насильовали одну женщину, как выворачивали карманы убитых, собирая добычу. У тебя перед взором буду я, жрущий, пьющий и справляющий нужду!.. А посему я тебя никогда не подпущу к престолу! И если даже ты случайно окажешься рядом, я запрещаю тебе поднимать взор в моем присутствии.

Легат и ныне не испытывал желания взглянуть на него, однако все более чувствовал, что взор его непроизвольно притягивается к вершине холма. В ставке Вария что-то происходило, поскольку между деревьями иногда мелькали пешие и конные люди из его свиты, куда-то уносились гонцы и несколько раз из шатра появлялся консул Эмилий в своем белом плаще и, похоже, отдавал какие-то распоряжения.

И только к концу четвертого часа ожидания на дощатой дорожке, построенной для божественных ног, появился префект претория Друз и по тому, как приближенный к императорской особе, а потому высокомерный гвардеец бежит, словно перепуганный раб, Анпил понял, что парад начнется не скоро, да и вообще вряд ли сегодня состоится.

Завидев префекта, столичные ромейские легионы без всякой команды разомкнули шеренги и выстроились, зашевелились даже центурии, набранные из недавних варваров, галлов и бритов, и только гермионы, составляющие конницу, никак не отозвались на появление Друза, ибо еще не научились повиноваться начальникам и существовали сами по себе.

А префект перешел на шаг, выпрямился, будто свалив с себя тяжелую ношу, и все-таки в голосе остался испуг.

– Легат! Тебя требует император!

Анпил не спеша встряхнул мокрый плащ, распахнул его и пошел, ничуть не выдавая озноба, смешанного с горячим любопытством и внутренним смятением.

Девятнадцать лет, как только Варий взошел на престол, легат служил в северной провинции, окруженной варварскими племенами, находясь тут, по сути, в опале. Император разослал по дальним землям всех, кто когда-то был рядом с ним и помнил его в иной ипостаси, нежели божественная, и более не допускал не то что к собственной персоне – не позволял даже приблизиться к городу Ромею. И такой оборот можно было считать за благо, ибо кое-кто из прежних сослуживцев, жадных или несдержанных на язык, вовсе заплатился жизнью.

Появление Вария на Рейне тоже не сулило Анпилу ничего хорошего, потому как префект в тот же час предупредил легата, что император по-прежнему не желает его видеть, тем паче, командование легионами берет на себя, а ему, старому сослуживцу по конной гвардии, лишь следует выстроить войска к назначенному часу, и как только божественный властелин выйдет из шатра, в тот же миг покинуть эти места и отбыть в британскую провинцию.

Император готовил поход на правый берег Рейна, чтоб наконец-то выйти к недоступному Варяжскому морю, где, по его сведениям, жили многочисленные дикие племена физически сильных и выносливых варваров, пригодных для рабского труда, и потому за легионами Вария шел из Середины Земли отряд маркитантов. Кроме того, божественный властелин Ромеи тешил надежду захватить корабельные верфи варваров, где строят необычные парусные суда, способные выдержать любую бурю и неким чудесным образом ходить против ветра, а то и вовсе без него, не используя ни весел, ни гребцов. Прослуживший здесь почти два десятка лет, Анпил не раз видел эти стремительные, будто летящие над водой корабли с изображением Гелиоса на парусах и по велению Вария делал несколько попыток захватить хотя бы один. Угнаться за таким судном в открытом море было невозможно, а все засады в проливах терпели неудачу, поскольку рослые и сильные варяжские мореходы отчаянно сопротивлялись, стреляя огнем из своих трубчатых баллист, и при малейшей опасности пленения безжалостно топили свои корабли или поджигали вместе с собой.

С виду деревянные, они горели настолько сильным пламенем, что на глазах плавилось и стекало в воду железо. Это наводило страх, ибо ничто не могло так гореть на открытом воздухе.

Скорее всего, император принимал их жесткость, крайнее безрассудство и презрение к жизни за дикость варваров, но опальный легат слишком хорошо знал нрав варяжских народов, населяющих берега северных морей, и оценивал их отвагу и бесстрашие по достоинству, тайно восхищаясь высшей и благородной самоотверженностью. Пленить варварский корабль Анпил старался изо всех сил, зная, что будет поощрен и, может, переведен даже в Ромею, но императору так и не досталось ни одного целого судна, а по тем обломкам, поднятым со дна морей и отправленным в Середину Земли, нельзя было понять, каким образом достигается летучесть варварских судов.

Пленные правобережные гермионы говорили, что у арварских хорсов, как и у людей, есть сердце и живая кровь.

Теперь же, помня старую обиду, легат внутренне радовался, что Варий, презревший его опыт и знания, недооценивает противника и сам поведет легионы на правый берег. И никому не дано предугадать, что может там случиться, поскольку варвары непредсказуемы, а их войска, называемые дружинами, действуют вне всяких законов ведения войн и не знают поражений.

Свита растворила перед легатом войлочную занавесь шатра, и Анпил вошел с опущенной головой, уставившись себе под ноги, поскольку всегда помнил о своем тайном лишении.

– Салют тебе, мой господин! – в пол поприветствовал он императора.

Легат не видел Вария, однако почувствовал дух, исходящий от него – знакомый, неис требимый, вьевшийся с молодых ногтей и навечно, какими бы благовониями его ни натирали и ни окуривали, – дух конского пота. Ромеи ездили верхом, плотно обхватывая ногами конские бока, поскольку не знали седла и стремян, отчего на внутренних сторонах бедер и на седалище образовывалась толстая и всегда трещиноватая мозоль, а кости выгибались в наружную сторону, так что всадника можно было всегда узнать по неуклюжей и нелепой походке, будто между его ног волочется бревно. Лишь в последнее время, много воюя с северными варварами, они стали брать седлами дань с покоренных и научились ездить со стремянами, да и то сию роскошь мог позволить себе не каждый.

Вероятно, император теперь скакал в седле, если приходилось садиться на лошадь, однако его кривоногого кавалерийского шага уже ничто не могло изменить.

Варий минуту взирал на своего старого сослуживца, но не испытание было в его взгляде, а некая растерянность.

– Подними голову, Анпил, – вымолвил он наконец. – Я позвал тебя, чтобы ты посмотрел на этих людей.

Легат без всякого усилия оторвал взгляд от пола и прежде увидел изрядно постаревшего Вария. Ему было уже сорок пять лет – можно сказать, возраст глубокого старца, однако выглядел он бодрым и подвижным, и еще блестел его тяжеловатый, пристальный взор.

– Ты смотри на них, а не на меня, – указал ему император.

В шатре оказались еще два пегобородых варвара в одинаковых синих плащах, связанных за руки спина к спине. По возрасту им было лет по девяносто, если не больше, и легат всегда изумлялся этой несправедливости – век варваров был вдвое, а то и втрое больше, чем век благородных ромеев. Создавалось впечатление, что у диких северных народов не только свой календарь, но и особый отсчет времени, будто живут они не на Земле, а на другой планете. Впервые узнав о таком долголетии, Анпил решил, что они используют таинственные эликсиры или плоды, известные как молодильные яблоки, обновляющие и продляющие жизнь. Однако посланные к варварам лазутчики ничего подобного не обнаружили, а эти яблоки приносили мешками, и легат ел их сам, посылал в дар императору, выращивал из семян дерева, но ничуть не отодвинул старость. Тогда он приказал выкрасть у варваров старика и отдал его эскула-

пам, которые тщательно изучили его живого, а затем, умертвив, исследовали плоть. Вывод ученых мужей был неутешительным и неприемлемым: чтобы обладать таким долголетием, нужно было родиться и жить в этой студеной стране, занимаясь тяжелым физическим трудом: своими руками строить жилище, корабли, воевать, добывать пищу и, самое главное, почти круглый год бороться с вездесущим холодом.

– Ты знаешь этих варваров? – что-то заподозрил Варий, наблюдая за легатом.

– Нет, август, но они все похожи друг на друга. Под наметанный глаз старого добытчика попали их широкие кожаные пояса, обрамленные тяжелой чеканкой по золоту, и золотые же фибулы-пряжки на плащах, увитые искусной сканью. А чуть поодаль, на ковре, лежали отнятые у пленных варварские забавы – гусли и причудливо изогнутая арка с серебряными струнами, напоминающая ромейскую арфу, только малых размеров.

– Кто эти люди? – поторопил император.

– Варвары, мой господин, – просто ответил Анпил.

– Я сам вижу, что это варвары! – раздраженно произнес Варий. – Кто они и какого племени?

– Это расы, – со знанием дела объяснил легат. – Они родственны диким варяжским племенам русов и росов...

– Русов и росов я знаю! Но почему ничего не слышал о расах?

В свите императора был первосвященник храма Марманы и философ Марк Сирийский, следовавший за ним неотступной тенью, поскольку отмечал в фастах каждый шаг августа, а кроме того, служил самым приближенным советником и астрологом. Этот влиятельный и ученый летописец наперечет помнил не только звезды и созвездия, но и все народы, народности и племена, населяющие четыре стороны света.

Если император не слышал о расах, значит, и Марк Сирийский не знал о них.

– Но ты слышал о расах или этрусках, мой господин, – покорно напомнил легат, зная, что это может вызвать гнев, ибо этруски возглавили восстание италиков, на усмирение которых трибун Варий водил свою конницу.

Однако же гнева не последовало: вероятно, годы затуманили неприятные воспоминания императора.

– Этрусков больше не существует, – как-то отрешенно проговорил он.

– Они произошли из одного корня, – пояснил Анпил и постарался тут же отвлечь внимание августа. – Здесь же расов называют – калики переходящие.

– Что это значит?

– Калики – это особый клан посвященных жрецов, способных переходить из мира живых в мир мертвых и возвращаться обратно, сохраняя человеческую суть.

Варий отступил на шаг и встряхнул головой.

– Подобное невозможно, Анпил!

– Невозможно, август! – с готовностью подтвердил легат. – Но варвары верят, ибо дикие и имеют смутное представление о мироустройстве.

– Почему они ходят по моим провинциям, как по своей земле?

– Калики не признают рубежей и лимесов, мой господин. Они и в самом деле обладают способностью проникать всюду, куда им захочется.

Император приблизился к старому сослуживцу и открыто посмотрел ему в глаза.

– Ты хочешь оправдать свою пограничную стражу? Или напугать меня противником?

– Нет, мой господин, – легат выдержал его взгляд. – Стража будет предана военному суду.

– А почему они ходят без оружия, а только с музыкальными инструментами?

– Из всех варварских племен расы самое мирное племя. Их главное искусство – веселить людей музыкой, песнями и танцами. По образу жизни они напоминают бродячих актеров, мой господин.

В голосе императора зазвучал сарказм:

– Но я не просил веселить меня. Я намеревался принять парад моих войск. Моему уху приятнее музыка маршей, а не варварские гимны!

– Войска выстроены и ждут тебя, император!

– Мне известно, чем занимаются бродячие актеры, – вдруг жестко произнес тот. – Во все времена они были лазутчиками! А этих поймали неподалеку от моей ставки! Ты знаешь их язык?

– Да, мой господин. Калики говорят на том же наречии, что и иные варварские племена.

– Тогда спроси их, зачем они пожаловали на левый берег Рейна? Кто их послал и зачем?

Бывший всадник и трибун конницы не только постарел внешне; все его недостатки молодости – нетерпение, горячность и подозрительность сейчас обрели скрытую жестокость, которой чаще всего обладают несмысленные юнцы и глубокие старики, готовые казнить походя и без всякой вины. Легат почуял резкий дух опасности, по силе схожий с духом конского пота, и дабы не возбуждать у императора слишком ярких ощущений, стал спрашивать расов негромким и бесцветным голосом.

Но услышав их ответ, похолодел и на минуту замер.

– Что они говорят? Что? – от пронизательного взора Вария было трудно скрывать чувства.

И все-таки Анпил перевел не весь ответ расов.

– Они сказали, что их послал к тебе некий варвар по имени Космомысл. Он атлант, циклоп... На их языке – исполин.

– Атлант? – насторожился и не поверил император. – Разве у варваров рождаются атланты? Все это ныне мифы и не более... Да владеешь ли ты их языком?

Чтоб убедить Вария, легат заговорил от себя:

– Да, август. Живя долгое время по соседству с варягами, я много слышал о племени русов, в котором иногда появляются на свет люди огромного роста и необычайной силы. Названный каликами Космомысл действительно атлант. Его видели у варваров мои лазутчики...

– И что же он хочет, если послал ко мне своих людей? – перебил император.

В тот миг Анпил пожалел, что признался в знании варварского наречия, но отступить было поздно.

– Этот варвар высадился недалеко от устья Рейна и вплотную подошел к нашим западным лимесам, – все-таки попытался сгладить углы знающий службу легат. – Но там усиленные и надежные заставы и гарнизоны...

– И ты узнал об этом только сейчас?

– Варягам потворствуют правобережные герминоны, сканды и арваги. Они умело скрывают их передвижение...

– Зачем же он явился?

– Он прослышал о твоём приезде в рейнскую провинцию и одержим желанием позреть на императора ромей... Тебе известно, дикие племена с необузданными нравами проявляют неслыханную дерзость...

Император не дал ему увильнуть от прямого ответа.

– Он что, пришел один?! И тоже с музыкальным инструментом?

– Нет, август, – объяло сердце старого всадника. – Он привел триста парусных кораблей и девять тысяч войска.

– Триста кораблей? – изумился император.

– Триста, мой господин. – Легат кивнул в сторону каликов. – Та к сказали его посланники.

– И все эти корабли... Те самые, диковинные, что умеют строить лишь варяги?

– У варваров нет иных, – осторожно ответил Анпил.

– Так поди и возьми их!

– Но этот исполин не отдаст без боя даже простой ладьи. Он потопит их или сожжет.

– Неужели ты осмелишься сказать мне, что этот варвар намерен сразиться со мной?

– Да, мой господин. А расов прислал с предложением капитуляции.

Варий встретил это известие с неожиданным успокоением, ибо в душе все-таки остался воином и дерзость противника, а более того, предстоящее сражение подняло его дух.

Но старость брала свое, ибо мысль императора стала путанной.

– Мне любопытно позреть на атланта! – вначале обрадовался он. – Пожалуй, я возьму его в плен и отправлю в Ромею... Нет, командующим назначаю тебя! Ты пленишь его! Вместе с его кораблями!.. Ты доволен?

– Я ждал этого часа девятнадцать лет.

– Ты приведешь мне атланта и поставишь вот здесь! – император ткнул пальцем в ковровый пол шатра.

Вдохновленный легат набрался храбрости:

– Он не поместится в твоём шатре, мой господин. Он вдвое выше его!

– Варвар будет стоять в поклоне, согнувшись вдвое! – взгляд его остановился на пленных расах. – Пстой, легат... Они произнесли всего несколько фраз, но ты перевел в десять раз больше... А не солгал ли ты?

– Нет, мой господин. У варваров очень емкий язык.

– Но звучит отвратительно!.. А что мы сделаем с ними?

– Они в твоей власти, август.

– Ты сказал, калики способны переходить из мира живых в мир мертвых?

– Да, августейший, и возвращаться назад.

– Выведи из шатра и отправь их в мир иной, – между прочим распорядился Варий, облачаясь в порфиру. – Я хочу посмотреть, как скоро они вернутся...

На следующий день как опальный легат увел войско навстречу варварским ватагам и на берегу Рейна остались лишь следы калигул, конских копыт и мягких бродней наемников, император ощутил легкий озноб и болезненную ломоту в теле. Полагая, что простудился на параде, он велел принести горячего вина, противни с горящими угольями, после чего укрылся походным одеялом и уже засыпал, когда внезапно услышал отчетливый и ни с чем не сравнимый свист плети над своей спиной.

Очнувшись в единый миг, он покрылся горячим потом и вскочил на ноги, однако осмотревшись, с облегчением повалился на ложе и отдышался. Этот сию минутный сон с плетью был знаком и грезился ему без всякой на то причины, но каждый раз возвращал к событиям, которых наяву император старался даже не касаться своим сознанием, опасаясь, как обнаженного жала змеи. Никто из живущих ни ныне, ни в будущем не должен был знать о его тайне, связанной с происхождением, и всякий, кто по каким-то приметам догадывался или мог догадаться, а хуже того, усомниться в его благородстве, подлежал немедленной смерти.

За долгие годы мысленного отречения от прошлого он и сам уверовал, что рожден не от раба и рабыни и сам никогда не был рабом; что во время восстания невольников он не снимал с шеи убитого знатного отрока золотую буллу, которая его спасла потом не только от голода и гибели, но и от рабства. Варий искренне верил, что этот случайно найденный знак благородства всегда принадлежал ему, и только от этого он, несчастный, осиротевший сын растерзанных безжалостными рабами свободных родителей, был взят на воспитание в семью всадника Тита Мелия.

Разум отторг прошлое, как отторгается от тела омертвевшая ткань, и в сознании остался лишь тайный, иногда зримый во сне рубец в образе свистящей плети. Однако сейчас Варий в единый миг убедил себя, что это последствия простудного жара и если еще выпить горячего

вина, а вместо пылающих углей положить рядом молодых наложниц, то он согреется и уснет уже покойным, божественным сном.

Когда же слуга принес золотой кувшин с вином и, сняв одежды с двух юных египтянок, вобравших в себя жар горячей пустыни, уложил с обеих сторон, император и в самом деле ощутил благодатное тепло и стал ждать, когда отяжелеют веки. Сладкий миг дремы был совсем близко, предвкушение сна уже расслабило шею, но озноб, засевавший глубоко в груди, все еще дымился холодным паром, и ему показалось, что золотисто-смуглые, таящие внутренний жар наложницы начинают остывать. Он потрогал их ладонями и отдернул руки – так горяча была кожа; они же по-своему расценили желание господина и в тот час притиснулись еще плотнее к холодеющему телу, стали оглаживать грудь, живот и бедра. Отдавшись их молодым и нежным рукам, он вспоминал Эсфирь, свою первую наложницу, которую отнял у египетского фараона, еще будучи молодым всадником. Она умела согревать не только телом или ласками, но словом или даже своим колдовским взглядом, а в бессонные ночи усыпляла его, просто подышав в лицо. Сейчас Эсфирь была стара, однако он всюду возил ее с собой, заключив в золотую клетку, как дорожную птицу, и берег ее для своих тайных воинских молитв.

Лишь к вечеру знобящий комок начал постепенно рассасываться, и он ощутил легкое, согревающее волнение от близости страстных женских тел и прикрыл глаза, ожидая, когда возникнет будоражащее плоть влечение к наложницам. Однако вместо этого естественного состояния в голову прокралась ворчливая стариковская мысль, что он напрасно отправился в столь дальний путь, в холодную, чужую страну, и что ему согласно возрасту и положению следовало бы сидеть в Середине Земли у теплого моря, вкушая все достигнутые радости жизни. За свою императорскую бытность он достаточно повоевал во всех четырех сторонах света и всякий раз возвращался с триумфом и под покровом славы, о которой будут вспоминать еще не один век. Мало того, он надолго утвердил мир внутри империи, усмирив восстания рабов не силою законов либо оружия, а одной, общей с господами верой, и теперь невольник никогда не поднимет руку на своего хозяина, ибо перед единым богом они равны...

Та к он ворчал про себя до самого утра, заставляя слуг то и дело менять остывших наложниц, пока мысль императора не вздрогнула и не сжалась, будто от удара плетью.

Если бы он не пошел в северные провинции, этот призрачный мир в Ромее был бы вновь разрушен, и на сей раз не восстанием рабов, а бунтом господ: давлением сенаторов, недовольством патрициев, тихой, но опасной обструкцией кондукторов и, наконец, стихийными мятежами легионов. Принимая единую веру для невольников и господ, Варий руководствовался благими помыслами мира между ними, не подозревал, что на пути уже таится подводный камень. Знать, узревшая в деянии Вария спасение могущества империи, пошла за ним и, уже не раз менявшая кумиров, по сути, давно безбожная, приняла бога рабов Мармана. Она бы и дьявола приняла, только чтобы не пошатнулось мироустройство Ромеи, не исчез из нее раб, дающий знати свободу и благо.

Равенство перед всевышним в тот час обратилось иной стороной: по завету с новым богом всякий добропорядочный верующий господин во искупление своих грехов и в доказательство любви к небесному покровителю обязан был на каждый праздник воздать жертву – отпустить на свободу одного раба. Через некоторое время благодетельные ромеи пришли в растерянность, увидев появление сотен тысяч вольноотпущенников, за счет которых в первую очередь пополнялись легионы, и если в некоторых когортах их становилось более половины, бывшие рабы начинали устанавливать свои, соразмерные происхождению, законы. Другая часть либертинов и вовсе ничем не хотела заниматься, кроме как грабежом, разбоем и мстью за унижение. Скоро некому стало строить дороги, мосты и каналы, арендаторы земель забрасывали нивы и виноградники, привыкшие к роскоши патриции сами обряжались в тоги, надевали сандалии, но самое печальное для императора было в том, что на невольничьих рынках резко подскочили цены на рабов.

А цена этого товара определяла все иные цены и само существование империи, не мыслящей бытие без рабовладения. И потому униженный, угнетенный и презираемый невольник в Ромее стал уже давно божеством, коему молились, поклонялись и коим дорожили так же неистово, как дорожили жизнью.

Спасти положение могли только бесконечные войны, основной добычей которых становились невольники, но марманство исповедовали почти все, близживущие к Середине Земли народы, а по завету, принявшие нового бога легионы отказывались воевать, и тем более, поработать своих единоверцев. И вот тогда оглушенный ропотом господ император вспомнил о своих северных провинциях, за которыми лежали нетронутые, первозданные варварские страны, откуда можно было вывозить не только рабов, но и железо, оружие, золото, мягкую рухлядь и то, о чем Варий мечтал с той поры, как впервые услышал о диковинных варяжских кораблях, называемых ими «хорсы».

И теперь, отправив войско с легатом, он жаждал победить дерзкого, великорослого варвара, захватить его суда, открыть выход к Варяжскому морю, где пройти по верфям и причалам, собрать все корабли и, загрузив их рабами, вернуться в Середину Земли.

Но чем дольше он перетирал в сознании эти неподъемные камни навязчивых мыслей, все более ощущал, как грандиозность предстоящей победы вызывает озноб. Тем глубоко скрытым и тайным рубцом в памяти он осознавал, что это холодеет в нем малая толика так и не изжитого рабского духа, но и под самой суровой пыткой не признался бы самому себе в истинной природе студеного страха.

Та к и не согревшись наложницами, он выгнал их прочь и велел позвать философа Марка Сирийского, блеск и изящество ума коего иногда приводили императора в восхищение. Все эти дни, как Варий почувствовал недомогание, Марк лишь изредка наблюдал за ним сквозь прореху в занавесе, чтобы сделать обязательную запись в фасте, и, чуткий к состоянию господина, ничем более его не тревожил. Однако философ не откликнулся на зов, а префект Друз доложил, что наступило время молитвы и Марк, будучи первосвященником, служит сейчас в походном храме, прося всевышнего о ниспослании победы войскам императора, и явится в тот час, как закончатся песнопения плача и благодарения.

Августейший монарх по новому завету считался наместником Марманы на земле, и власть его приравнивалась к власти божественной, что давало ему право, как и при прежних богах, не стоять коленапреклоненно на молитвах, а разговаривать с небесным заступником как со своим отцом. Утвердив в Ромее марманство, Варий остался верен своему старому лучезарному Митре, которого знал с тех самых пор, как оказался на воспитании в семье Тита Мелия, где почитали только победителя солнца. Митра для Ромеи тоже был чужим, пришедшим от иных народов, богом, но до него будущий император вообще не ведал небесных покровителей, ибо для невольников таковых не существовало вовсе. И потому Варий не согрешил, сняв с шеи убитого отрока буллу и вместе с ней присвоив его судьбу, поскольку был еще незаконным и не подлежал никакому суду.

Как обычно после службы, Марк явился благостным и просветленным, чем всегда вводил императора в тайное удивление. Искушенный в философии и всяческих религиозных учениях, познавший глубинные пути изысканий человеческого сознания и оттого циничный, он с невероятным легкомыслием предавался молитвенным славословным песнопениям, восхваляющим бога Мармана, до исступления и экстаза восклицая: «Аллилуя!» Новая ромейская вера в небесного спасителя по своим принципам и обрядности была скопирована со старого митраизма, но упрощена и приспособлена для примитивного сознания раба, и Варий не мог понять, что же так притягивает и вдохновляет понтифика, если он всякий раз покидает храм с сияющим взором, кроткий и умиротворенный, будто овца.

В сей час Марк вошел с курильницей, источающей дым благовоний, поклонился в пояс императору и, установив чашу на подставке для угля, смиренно сказал:

– Это согреет тебя и укрепит дух, брат мой в Мармане.

Варий держал первосвященника возле себя еще и потому, что это его благостное состояние каким-то образом передавалось и заражало, как заражает чужой веселый смех. Он прикрыл глаза, вдыхая летучий аромат синего дымка, однако вместо успокоения вновь услышал в себе ворчливого старика.

– Что тебе сказал господь?

– Он шлет нам испытания, – благоговейно произнес Марк.

– Какие еще испытания? Я велел тебе молиться о победе!

– Тебе известно, мой брат, всякая победа достигается силой духа. – Философ что-то скрывал под маской покорности. – А испытания укрепляют дух.

Император привстал, откинув одеяло.

– Мне сейчас нужна победа оружия! Я не жду никаких испытаний!

– На все воля господя. Это его промыслы, а наша участь доказывать ему свою любовь.

– Ты что-то знаешь? И скрываешь от меня? – Озноб вырвался наружу и заледенил затылок. – Что с моими легионами?

– Я понтифик, мой брат, и в ответе за твой дух.

– И что, мой дух нуждается в укреплении, если ты толкуешь о его испытаниях?

– Меня смущает дух твоих легионов, император.

– Позови мне консула!

Эмилий, должно быть, стоял за входной шторой, поскольку в тот же час оказался в шатре.

– Я здесь, август.

Император уловил в своей ворчливости слишком явную тревогу и, чтобы загасить ее, несколько помедлил и отхлебнул остывшего вина.

– Какие вести от Анпила? – спросил уже обыденным голосом.

– Легат не нашел варваров возле западных лимесов, – удовлетворенно сказал консул. – И сейчас идет вдоль них по суше, а его корабли движутся по проливу в сторону Галлии.

– Куда же они ушли? Или бежали, услышав о приближении легионов?

– Они не бежали, император.

– Где же тогда варвары вместе со своим атлантом?

– Вероятно, снова погрузились на свои корабли и отошли к правому берегу Рейна, к герминонам, с которыми заключили тайный союз.

От мысли, что озарила императора в следующий миг, тепло разлилось по всему телу.

– А были ли они вообще, консул? Или ты поверил этим двум посланцам, коих я отправил в иной мир?

– Нет, август. Когда легат повел легионы на запад, я получил сообщение из крепости в устье Рейна. Варвары осадили ее, и гарнизон запросил помощи. Сведения посланцев подтвердились...

– Но почему тогда Анпил не нашел противника? Или ты хочешь убедить меня, что девять тысяч войска и триста кораблей могут исчезнуть бесследно?

– Следы остались, император.

– Какие это следы? Отпечатки ног, конских копыт, кострища или трупы варваров?

– Они никогда не оставляют своих павших на месте битвы, – с нескрываемым уважением проговорил консул. – Они выскребают даже землю, на которую пролилась кровь, и увозят с собой.

– Так что же от них осталось? – чуть было не вскричал Варий.

– Варвары захватили и разрушили крепость.

– А гарнизон?..

Варий когда-то приблизил Эмилия за его смелость и способность говорить ему горькую правду.

– Легат сообщил, что гарнизон погиб. На лицах убитых почему-то отразился ужас. Последние слова консула еще более согрели императора, но это был боевой жар старого всадника.

– Если ты полагаешь, что варвары ушли на северный правый берег, зачем же легат ведет легионы на юг, в сторону Галлии?

У Эмилия и на это был ответ.

– Действия варваров обманчивы и потому непредсказуемы, но Анпил знаком с их тактикой. Чаще всего их ватаги появляются внезапно и там, откуда их не ждут.

Его спокойное суждение, ранее по достоинству оцениваемое императором, сейчас вдруг вызвало неприязнь к консулу. Тот тайный, порочный рубец в сознании, особенно чуткий к опасности и обладающий животным чувством самосохранения, склонял его повиноваться мнению Эмилия, однако воля императора взбунтовалась.

– Я не верю ни легату, ни тебе! – Дым из курильницы прижало к ковровому полу шатра. – И не стану разгадывать замыслы дикого варвара. Я буду диктовать правила войны по ромейским законам. Не он, а я навяжу ему сражение там, где посчитаю нужным.

Консул прочно замолчал, а философ торопливо записывал на пергаменте каждое слово императора.

– Поэтому легату не следует гоняться за варварами, а выстроить легионы в боевые порядки там, где я принимал парад, – продолжал Варий. – Пусть этот дикарь, коего вы от страха называете атлантом, сам придет сюда, а я буду руководить ходом битвы из своего шатра. А корабли расставить в устье Рейна так, чтобы можно было запереть в реке их летучие суда, когда они подойдут на выручку.

Эмилий в тот же час удалился, и через минуту лошади за шатром взбили копытами, унося гонцов с приказом.

– Почему воины гарнизона погибали с ужасом на лице? – неожиданно спросил Варий, отняв перо у понтифика. – Что могло привести храбрых и отважных ромеев в такое непотребное состояние?

– Да, они владели всеми достоинствами воинов, – озабоченно промолвил философ. – Но не имели истинной веры в господя. Их обуял страх перед лицом смерти, а любящий бога Мармана вступает в его мир с радостной улыбкой.

Пожалуй, впервые за многие годы Варий ощутил недовольство ответом первосвященника.

– Так ступай и скажи это господу! – Он бросил перо на пол. – И пусть он вселит веру в моих воинов. Такую же, как вселил в тебя!

Марк услышал раздражение в голосе императора, но никак не выдал своих чувств.

– Я буду молиться, август. Но я раб божий, а если помолишься ты, божественный, то будешь услышан.

Оставшись в одиночестве, император долго сидел, завернувшись с головой в одеяло, но уже не для того, чтобы согреться; прежде чем обратиться к богу, он пытался отрешиться от мира и от себя, чтобы сосредоточить мысль только на молитве. Однако время близилось к полуночи, а он еще помнил, что он – император и сейчас находится в походном шатре на холодном берегу Рейна, а чтобы быть услышанным на небесах, следовало забыть все земное, в том числе свой высочайший сан.

Та к и не справившись с собой, он велел принести ему Эсфирь, и когда двое слуг поставили золотую клетку посередине шатра, сам сдернул покрывало и открыл дверцу. Обнаженная наложница сидела на подушке под прозрачной пеленой, но даже тусклый, мигающий свет не смог скрыть изуродованной старостью плоти. Однако именно это и нужно было императору, ибо красота еще прочнее связала бы его с земным.

Он достал Эсфирь из клетки, положил рядом с собой на ложе, и преодолевая отвращение, стал рассматривать обрюзгшее, сморщенное тело, касаясь его сакральных частей. А она, прекрасно знающая свое ремесло и точно угадывающая, что сейчас нужно императору, протянула костлявую руку, накрыла его солнечное сплетение, после чего слегка выгнулась и из ее впалого приоткрытого рта, из напряженных ноздрей донесся едва уловимый, возбуждающий храп.

И земной, давящий мир вместе с разумом и земными же чувствами отлетел прочь.

Уже через минуту император откинулся на подушки и ощутил первый толчок подступающего блаженства молчаливой молитвы, бессловесного диалога с богом.

Ничто, даже неограниченная власть над великой мировой империей с десятками заморских провинций, сотнями подданных или зависимых стран и миллионами граждан, не вздымала до того высочайшего чувства единения с всевышним, что он испытывал, непосредственно управляя даже небольшим войском на поле битвы. И такое единение происходило не в тот час, когда сшибаются две стены, проникая друг в друга и вскипая кроваво-красной пеной, а в момент его предощущения, когда он сам становился богом и простым движением жезла мог сократить миг между жизнью и смертью или, напротив, растянуть его по времени, вкушать из мощного освежающего потока или жадно и рачительно пить по капле, как путник в безводной пустыне. Что великое, несущее пресыщение, что малое, еще более разжигающее жажду, одинаково вращивало его до размеров колосса; он слышал и чувствовал, как трещит и увеличивается плоть, раздаваясь вширь и поднимаясь вверх настолько, что замирал дух и взор, брошенный вниз, кружил голову.

И нельзя было подняться ни выше, ни ниже, а только до точки, угаданной тонким чутьем опытного ратника, дабы не потерять равновесия, и уже оттуда, уподобясь горному обвалу, свергнуться на противника, вложив в первый удар всю силу и мощь.

Он считал, что в этот миг в него вселяется если не сам Митра, то его божественный дух.

Ожидая, когда начнется перевоплощение, он терял счет времени и различал лишь день и ночь, не пил воды, не вкушал пищи, и окружающая жизнь текла мимо, словно река на дне глубокого ущелья, – он прислушивался только к своему состоянию, в себя же устремлял взор. Ни один смертный не ведал, что происходит с императором, однако приближенные угадывали его состояние и ничем не тревожили, и несчастен был тот, кто по недомыслию отвлек бы его хотя б на мгновение.

И таковым оказался не тупой префект Друз или своенравный консул Эмилий, а философ и астролог Марк Сирийский, вдруг ворвавшийся в шатер.

– Император! Пришел час испытаний! Господь требует жертв!

Варий ощутил непомерную тяжесть на себе, словно его живого засыпали землей. Первую минуту он молчал, не в силах пошевелить языком.

– Послушай меня, августейший! Мне выпала миссия спасти тебя! Вставай и иди за мной!

– Ты нарушил мою молитву, – медленно и тихо произнес император.

– Я глупец, невежда! – Возбужденный и оттого неузнаваемый понтифик сокрушенно бил себя по голове. – Но господь избрал меня, чтоб я провел тебя по пути испытаний!

– Где мои легионы?

– Они выстраиваются в боевые порядки там, где ты указал! Но они не спасут тебя! Нам следует бежать в Галлию, пока не началось сражение!

– Бежать?..

– Августейший, убей меня или прогони! – Понтифик пал на колени. – Я не достоин быть рядом с тобой, о, великий и всемогущий! Или ступай за мной!

Еще недавно умиротворенный и благолепный, сейчас он напоминал безумца.

– Слышишь ли ты свои слова, презренный раб?

– Слышу тяжелую поступь атланта!

– Я велел тебе молиться!

– И я молился! Господь велел спасти тебя!

– Мои воины тоже охвачены паникой?

– Нет, они полны решимости!.. Потому что не знают, не видят, что произойдет всего через несколько часов.

– А что произойдет?

– Легионы падут. На мертвых лицах твоих воинов отразится ужас!

Варий поднял жезл, коим управлял войсками, и опустил на голову философа. И в тот же миг неведомая сила, скомкав верх шатра, сорвала его, будто малую тряпицу, и император заслонился рукой...

2

Хорс несло на камни, и страдали от жалости варяжки мореходные души, и ликовали от восторга: когда корабль взносило на гребень волны, под козырьком багрово-черной грозовой тучи ватажники видели очертания острова Вящеславы. И устье глубокого залива было гостеприимно распахнуто, но хорс сносило в сторону, где скалистый берег заканчивался длинной грядой, далеко уходящей на восток.

Двадцать семь долгих месяцев варяжское посольство рыскало в полунощных водах Арварского моря в поисках острова, на котором Ладомил спрятал свою дочь Краснозору. Островов, оставшихся от погибшего материка Арвара – Родины Богов, – было множество: низких, песчаных, без единого деревца, где и младенца не спрячешь, каменных и мшистых, где по берегам белел плавник, а то встречались и скальные, высокие, где под прикрытием гор, возле горячих источников буйствовала древняя, еще Былых времен, зелень; на некоторых клочках суши в бурном море еще теплилась жизнь в виде олених стад, пожелтевших на солнце одиноких белых медведей, линяющих песцов, и яркие, разноцветные, ныне живущие в полуденных странах птицы встречались возле парящих, горячих озер. На одном из таких теплых островков ватажники обнаружили даже людей – рабов с разбившейся галеры, унесенной бурей из Великого океана. Эти несчастные жалкие существа жили в сплетенных из веток шалашах и при появлении варягов, словно дикие зверьки, в тот час же попрятались в высокой траве.

Много чего повидали ватажники в Арварском море – только не нашли ни поленицы Краснозоры, и ни единого вольного человека.

На седьмой день Праста месяца, когда варяги, услышав в Кладовесте молву о возвращении Космомысла, уж было собрались повернуть к материковым берегам, и возник на окоеме этот крохотный островок, оставшийся от Родины Богов. Стоило ватажникам повернуть хорс к высокой, горбатой скале, выступающей из моря, как поднялась буря, и теперь на пути то поднимался из пучины, то накрывался волнами росчерк изломанной каменной гряды, которой заканчивалась восточная оконечность острова.

Посольство не испытывало ни страха, ни паники, ловкие ватажники опустили внутрь корабля стальные забрала, дабы остановить его стучащее сердце и ток живой живицы, но это ничуть не помогло. Наперекор всем законам мореплавания, против ветра и волн хорс несло на камни.

И тогда ватажники заговорили вразнобой:

- Вящеслава ведет!
- Нас ведет Вящеслава!
- Она вызвала стихию!
- Она и в самом деле богиня!

Спасти корабль было невозможно, ибо руль в такую бурю становился бесполезным и судно управлялось лишь тремя кормовыми перьями – косыми парусами, напоминающими птичье хвостовое оперение. Вся посольская ватага варягов из трех русов, трех росов и двух каликов-расов, возглавляемая волхвом Сивером, из последних сил перекладывала перья влево или вправо, чтобы держать нос к набегающей волне, но более ничего сделать не могла, поскольку хорс даже с остановленным сердцем упрямо двигался против ветра, словно вели его на невидимой бичеве. До крушения оставалось менее часа. И тогда Сивер оставил канат, прижался спиной к мачте, чтоб не смыло накатом волн, и вскинул руки.

– Вящеслава! Услышь меня, бессмертная! Я, рус Сивер с варягами, иду к тебе с добром. Усмири свои ветры! Позволь войти в твой залив!

В ответ молния перечеркнула небо над грядой, но гром утонул в реве морских волн и шквального ветра. Это означало, что Вящеславе пришел на помощь Перун, который тоже

искал Краснозору и, по молве в Кладовесте, даже получил согласие ее матери. Вот откуда было молчаливое сопротивление вечной арварки из рода Руса, возможно, последней бессмертной женщины, по слухам, способной оживлять и укрощать стихии.

Но если на море бушевала сильнейшая буря – верный признак, что Вящеслава жива и еще не утратила своих сил, что вдохновляло посольство, несмотря на неминуемую гибель корабля.

А волнистый гребень все заметнее выступал из пучины и уже напоминал не молнию – зубы чудовища, готового перекусить тяжелый и крутобокий хорс. Стало заметно, как на короткий миг вода обнажает останки других кораблей, нашедших последний причал на этих камнях. Вот почему редко кто возвращался с острова Вящеславы и те, кому удавалось добраться до материковых берегов, говорили, что характер у бессмертной вздорный, потому и море там не ходовое, суровое. Еще говорили, мол, во времена, когда был жив ее муж Ладомил, варяжские корабли свободно приставали к острову и мореходам оказывали здесь достойный прием. Однако Вящеслава, подружившись с громовержцем, объявила себя богиней, стала сварливой, капризной, заставила Ладомила служить ей как покровительнице полунощных морей, а когда он отказался, разбила вдребезги его хорс.

И вот тогда бессмертный исполин решил удалиться в мир иной, ибо не стало ему вольной жизни на земле. По древнему арварскому обычаю, он предложил Вящеславе вместе уйти в мир иной, чтоб не обременять ее вдовством и вечной тоской, но дерзкая супруга лишь рассмеялась, мол, сам иди, а мне, богине, и здесь хорошо.

Ладомил взошел на высокие скалы и бросился в море.

Ватажники ту же затянули кольчуги, подвязали шлемы и прочие стальные доспехи, а за мгновение до удара о камни сошлись в братское коло – сцепились руками вокруг мачты и, распластавшись на спущенном парусе, намертво закусил его зубами. Встречная волна, перевалив гребень, обрушилась на хорс, сначала вдавила в воду, затем подняла из пучины и бросила на плоский каменный зуб. Потерявший под собой упругую водную стихию корабль завалился на бок и лишь трещал и вздрагивал от ударов моря. И трещали от напряжения варяжские жилы. От ударов крутых волн борт хорса постепенно превращался в просмоленную щепу, а сам он все больше напоминал приоткрытую раковину, выброшенную на берег. Из огромного прорана в борту вначале выплеснулась текучая, легкая и живая смола – кровь корабля, и следом за ней, будто тугой, полурасплавленный металл, потекла в море тяжелая, мертвая живица.

Хорс издал последний вздох и развалился на две части.

Буря еще не улеглась, еще гневна была Вящеслава, но уже начался спасительный отлив, не подвластный бессмертной. Ватага спустилась с покатой палубы на сушу, но казалось, и огромный камень под ногами качается от биения волн. По обычаю, варяги легли вниз лицом и раскинули руки, обнимая мокрую и скользкую скалу в знак благодарности матери сырой земле.

И не было крепче этих объятий.

Через полтора часа гряда обнажилась и выступила из вод, грозовая туча свалилась на восток, вдруг унялся ветер и на ясном небосклоне появилось солнце – натешились Перун и Вящеслава! Обретшие под собой твердь ватажники обрядились в доспехи, взяли с собой лишь оружие и стали пробираться к острову.

На этот клочок суши, затерянный в Арварском море, выносило не только арварские хорсы: между зубов на чудовищной челюсти застряли уже полузамытые песком и щебнем обломки варяжских кораблей свиев, скандов, арвагов и даже тяжелые волнорезы от спорадских, греческих и персидских галер, причем некоторые из них не успели почернеть и обрасти мшистыми водорослями.

И не первыми стали арвары, достигнувшие заветного острова, но потерявшие корабль и обреченные доживать здесь остаток жизни: из леса, что рос на острове, не построить даже ладьи, а морской путь из варяг в греки лежал за многие сотни поприщ к полудню. В этот дале-

кий, неизвестный край холодного полуночного моря забирались лишь те редкие варяги и прочие мореходы, кто уверовал в предания, жаждал позреть бессмертие и прикоснуться к чудесному. Вящеслава не зря объявила себя богиней, варяжские народы свиев, арвагов, а вместе с ними и многие иноземцы, не ведая земной, человеческой природы вечности, обожествляли ее, признавали за повелительницу полуночных морей, бурь и ветров. Если кому-то из чужеземцев и варягов-скандов удавалось отыскать остров, оставшийся от материка – Родины Богов, то они не скупались и приносили богатые дары. Поэтому на уступах скалистого берега или просто на земле за многие столетия скопилось обилие золотых монет, чаш, сосудов и множество всевозможного оружия, украшенного самоцветами. Повсюду из-под скал и расщелин били горячие и светлые ключи, которые потом собирались в ручьи, и на дне их так же сверкало золото, сносимое струями в море. Говорят, Ладомил немало дивился, когда смертные становились на колени, пели гимны и воскладывали жертвы Вящеславе, моля о попутном ветре, о ниспослании победы в походах, о купеческом счастье. Однако бессмертный муж самозванной богини кое-что из даров потом поднимал, чтоб расплатиться с равнодушными ко всему чудесному варяжскими купцами, если те по случаю оказывались в пределах острова и привозили самое драгоценное, что только знали арварские мореходы, – корабельную кровь, живую и мертвую живицу, которую было не добыть на острове.

После ухода мужа в мир иной Вящеслава окончательно возомнила себя богиней, поэтому презирала золото и, слышно было, редко кого подпускала к своему берегу, не разбив корабля, а жила по древним арварским божественным законам – трудом рук своих. Однако молва о том, что в Арварском море есть остров, где жертвенники, уступы скал, ручьи, речки и даже тропы к жилищу бессмертной усыпаны драгоценностями, донеслась до Середины Земли, где обитали споряды – народ-мореплаватель, имеющий корабли, способные ходить по полуночным морям. И если многие мореходы, не знающие таинственного биения корабельного сердца или не умеющие ловить в свои паруса дыхание Хорса, простаивали многие дни в ожидании земного попутного ветра, то на галерах спорядов было до восьмидесяти пар весел и в два раза больше гребцов-невольников. Когда-то давно, много тысячелетий назад, эти весельные корабли впервые появились в Варяжском море и вызвали немалое удивление варягов, увидевших, что гребцы прикованы цепями к веслам и палубе.

Та к прибрежные арвары, арваги и сканды, а позже все остальные полуночные народы впервые позрели, что весь остальной мир давно живет и плавает по морям с помощью рабов, особых людей, каким-то образом лишенных воли, либо не имеющих ее от рождения – то есть бездушных, по арварским представлениям. Для варягов, существовавших отдельно от мира Середины Земли, такое состояние казалось невообразимым, поскольку считалось, что отнять волю, значит, отнять душу, что можно сотворить лишь с животными, и то кроме быка, коня и оленя. И одновременно безвольные рабы были понятны арварам, ибо они знали обрив – порождение собственного древнего греха. На арварском языке это слово звучало «грах» – «похороны солнца»: по Преданию, один из многочисленных сыновей Роса, Невр, будучи еще малых, неразумных лет, однажды из баловства вздумал похоронить заходящее солнце, бога Ра. Невр посчитал, что бог лег на окоем и сгорел, а по обычаю над пеплом усопшего следует насыпать земляной курган, что он и сделал. На следующий же день утро не наступило, поскольку солнце не вставало и тьма длилась до тех пор, пока Дажьбог не вразумил юнца и не велел Ра подняться над землей.

Та к вот, еще в Былые времена взрослые и разумные арвары совершили грах, или грех, как говорят ныне, после чего и возникло греховное порождение – порода диких людей, не обладающих волей, однако при этом отчаянно непокорных, не поддающихся ни приручению, ни, тем паче, порабощению. Поэтому варяги смотрели на прикованных к веслам людей и откровенно дивились, как это удалось их поймать, одомашнить и заставить грести?

Иноземцам местные жители тоже показались странными и дикими: в то далекое время по берегам Варяжского, Полуночного и Арварского морей, а также на островах, оставшихся от Родины Богов, жило еще много бессмертных русов и золото ценилось ниже, чем железо, поскольку в суровой полуночной жизни варягов мягкий желтый металл годился лишь для ритуальных украшений, посуды и струн.

Эти иноземные мореходы, вернувшись на свои полуденные острова, стали называть варяжские народы варварами, то есть людьми с дикими нравами, не признающими злата. Но Середина Земли была так далеко от полуночных морей, что прозвище не волновало варягов; иное дело, спорады, вдохновленные молвой о сокровищах варваров, время от времени пускались в путь на своих галерах, чтоб отыскать остров Вящеславы, усыпанный драгоценностями. Они слышали, что хозяйка острова – богиня, однако страсть к золоту была выше страха перед грозной повелительницей морей и бурь.

Заветный остров, оставшийся от Родины Богов, видом своим напоминал ныряющего кита и походил на многие острова в Арварском море: скалистая гряда, поднявшись из воды по ходу солнца, образовывала плоский и сглаженный хребет, который на западе вновь превращался в гребешок и пропадал в волнах. Однако с полуденной стороны, под прикрытием гор, на пологих склонах виднелась высокая и буйная зелень, разрезанная узким затоном.

Там, где он вплотную приближался к отвесным скалам, по рассказам очевидцев, и находилось жилище Вящеславы.

Все посольство осталось на горах, а Сивер в одиночку спустился в седловину и оказался на вершине отвесного утеса, высотой сажен в сто: похоже, внизу и был исток горячего затона, вытекающего из подножия хребта. И здесь, под ногами, тоже оказалось золото, перемешанное со щебнем и песком – верный признак, что крепость бессмертной где-то внизу. Поскольку Вящеслава не принимала даров и никого не подпускала не только к острову, но и к жилищу, то ищущие ее благоволения мореходы оставляли жертвы где придется. Тем же, кому не удалось покинуть остров, оставалась единственная участь – доживать здесь остаток дней и утешаться надеждой, что когда-нибудь выпадет счастье позреть на живую богиню: Вящеслава являлась смертным очень редко, говорят, раз в столетие. Особо ретивые поклонники объявляли себя ее служителями и назывались приспешниками; кто же разочаровывался и терял веру, проводил жизнь на острове с жадой и стремлением вырваться отсюда и зачастую пускался в плавание по холодному Арварскому морю на плоту или лодчонке, построенных из останков кораблей. На удивление, эти смелые и отчаянные люди достигали материковых берегов, ибо считалось, что Вящеслава открывает им морские пути и шлет попутный ветер. Но вернувшиеся с острова счастливицы разочаровывались еще больше, теряли радости жизни и чаще всего умирали в скорби.

Увидеть жилище бессмертной можно было лишь в тот час, когда солнце склонится к окоёму и войдет между двух скал западного отрога. Сивер ждал этого мгновения, и все-таки стены замка далеко внизу высветлились внезапно, на минуту выйдя из тени. По преданию, в этот миг вечная из рода русов снимала с головы железный обруч, открывала уши и, вскинув руки к небу, внимала молве Кладовеста. И одновременно могла услышать живой голос единокровца.

– Здравствуй, Вящеслава! – крикнул волхв в бездну. – Я, рус Сивер, пришел к тебе с посольством от моего брата Суворы, нашего князя и закона! Вспомни свое варяжское племя, братьев и сестер! Прими нас и выслушай!

Тень вновь легла на исток затона, рукотворные стены исчезли из вида, и глубоко врезанное русло с бегущей горячей водой покрылось густым туманом, ибо в воздухе похолодало. Бессмертная не услышала его, либо не пожелала услышать, приняв за чужеродца. Там, внизу, наступила ночь, хотя над горами все еще полыхало закатное солнце, а по обычаю, русы запирали свое жилище и отходили ко сну, поскольку вместе с темнотой наступало время навий, день для мертвых. Сивер с варягами пришел издалека и мог бы нарушить обычай, но после стрибо-

жких ветров, высланных ему навстречу, опасался разгневать Вящеславу и не решился в такой час тревожить ее: по преданию, бессмертные омолаживаются во время короткого, от заката до восхода, забытья и возвращают назад прожитый день, тогда как смертные во сне лишь приближаются к своей смерти. В полунощной стороне Арварского моря летняя ночь длилась всего около часа и потому сон должен быть покойным и безмятежным. Если же разбудить, то вечная арварка состарится на этот самый день.

Конечно же, она могла бы пожертвовать мгновением для бессмертных, коли бы знала, по какой нужде посольство отправилось за три моря, из Варяжского в Арварское, чтоб отыскать неведомый крохотный островок под Полунощной звездой...

Сивер вернулся на горы, когда остывающее солнце опускалось в зыбкую воду, перечеркивая море багровым Дажьбожьим путем. Ватажники собрали хворост, подняли снизу плавник и доски от разбитых кораблей, приготовили костер, но не зажигали его; обратившись на закат, сцепившись руками, они стояли разорванным кругом и пели древний арварский гимн ожидания Варяжа – лунного тепла, распевный и ныне почти забытый. Обычно его пели матери над зыбками, как колыбельные, и теперь варяги таким образом вздумали ублажить сон Вящеславы, напомнить ей прошлое, вызвать чувство тоски по родине и близким, а заодно и согреть. Бессмертная несомненно слышала этот гимн даже в забытии, ибо не громкий, низкий, но мощный распев доставал Кладовеста, отражался от него, как от зеркала, и многократно усиленный, стекал с неба согревающим излучением, напоминая благодатные столетия теплого времени Варяжа.

На древнее звучание песни откуда-то прилетел орел и, распластав крылья, завис высоко над головами, поддерживаемый восходящим потоком голосов. Сивер замкнул круг, сцепив ладони с крайними варягами на уровне плеч, и бережно, дабы не нарушить лада и течения гимна, влился в него, как ручей в вешний, могучий поток. И в тот же миг утратил ощущение себя – единый, никому не принадлежащий и неразъемный, словно скованные нити булатной стали, глас встал столпом и достиг ушей, пожалуй, не только старой Вящеславы, но и божьего слуха.

Когда точно так же сложилась и сковалась воля поющих, Сивер расцепил круг и коснулся приготовленных дров – костер полыхнул снизу доверху, озарив плоскую вершину хребта. Земля окрест потемнела, будто отступила в сумерки, но зато еще ярче высветлилось над головами лазоревое, летнее небо. Это был священный огонь, зажженный совокуплением внутреннего пламени ватажников, их волей; обыкновенно на него, как и доньше мотыльки, собирались все арвары, находящиеся в пределах видимости свечения или отблесков – древнее и вечное притяжение к огню и друг к другу, малопонятное для иноземцев, особенно из жарких стран, где костры разводили, чтобы приготовить пищу.

Вящеслава, если была суца, непременно пришла бы к огню помимо своей воли...

Однако шло время, сумерки заволакивали склоны хребта, вокруг же не ощущалось ни единой живой души, если не считать полунощного орла в небе. Он долго кружил над островом, затем по арварскому обычаю принес снизу большой сук и, бросив его в огонь, уселся рядом с людьми, на каменный останец.

По преданию, в этих птиц, называемых грифонами, обращался дух древних арваров, когда они уставали от вечной жизни и избирали смерть, бросаясь со скал в море. Тело на лету обращалось в прах и рассеивалось ветром, высвобождая волю, которая покидала человека и уносилась потом в запредельное пространство, а за мгновение до этого из нее выделялся бессмертный дух, ненужный на том свете, и обратившись в орла или сокола, долго парил над морскими волнами. Поэтому все ловчие птицы считались у арваров священными и приравнивались по величию с морскими чайками – вечными спутниками мореходов. Несколько ниже по значению были филины, совы, кукушки и сороки, признаваемые более мудромысленными русами, которые гадали судьбу по их полету. Особо почитался черный ворон, вестник богов,

за ним шли певчие птицы, включая дятла и зимородка, и была всего одна птица вражья, считавшаяся образом нечисти, тлена и мерзости, – серая ворона, кою не допускали в арварские пределы. Если же она все-таки залетала на бранные поля клевать мертвечину, то собиралась дружина самых метких лучников, ибо нельзя было отдавать этой нечисти даже трупы супостата.

Возможно, старый грифон, прилетевший с топливом для огня, был некогда духом Ладомила, а то что бы он жил на острове Вящеславы? Можно было бы спросить его, но арвары давно утратили слух к языку птиц и зверей, поэтому сидели у огня и лишь молча переглядывались с орлом. А тот вначале возбужденно шелкал, будто недоволен был посольством или, напротив, выражал тревогу за их судьбу, но не понятый, скоро присмирел, согревшись у костра, распустил крылья и прикрыл свой острый взор белесыми, чуткими веками...

Посольство всю короткую светлую ночь не ложилось спать, ждали Вящеславу, однако бессмертная не являлась ни на гимн ожидания Варяжа, ни к священному огню. Была еще надежда, что придет на восходе, и в самом деле, на заре, когда потянул холодный ветерок, кольчуги на плечах и шлемах вмиг заледенели, в сумеречном распадке вдруг зашуршала потревоженная осыпь и будто бы слышались шаги, но грифон вытянул шею, взмахнул крыльями, вздул угасающий костер и тревожно заклекотал, выдавая близкое присутствие смертного существа. Послы потянулись к рукоятям мечей: на острове могли оказаться приспешники либо те же споряды – не случайно встревожился орел. Первые были настолько яростными в поклонении бессмертной, что в каждом пришедшем видели ее врагов, вторые, жадные до золота – соперников, и все они, по рассказам, были воинственными и злобными.

Ждали людей, но из распадка выскочила крупная и почти белая полунощная волчица с оттянутыми, розовыми сосцами.

– Оборотень! – Ватажники сдернули шапки. – Это Вящеслава!..

По преданию, бессмертные преображались единственный раз в известном случае, но среди смертных существовало поверье, будто вечные люди иногда оборачиваются лошадью, либо волком, чтобы преодолевать большие расстояния. Поэтому при виде одиноко мчащегося скакуна без всадника или безбоязненно прорыскивающего даль хищника, морские и речные варяги русы и сухопутные росы обнажали голову – перед вечностью.

Несколько мгновений, поджав хвост и слегка ощерясь, волчица взирала на людей, после чего вдруг по-собачьи села и тревожно заскулила. В ответ орел что-то проклекотал, волчица замолкла и легла у огня, положив голову на лапы. И грифон тоже успокоился, расслабил напряженные крылья и задремал. Успокоенные варяги приблизились к огню, но еще долго слушали и всматривались в темноту ночных склонов и распадков – не мелькнет ли огонек, не затрепетает ли крыльями вспугнутая человеком птица, однако на острове была полная тишина.

Волчица, погревшись у огня, скоро вновь заскулила, теперь нежно и трепетно, как могут только матери. В тот час из распадка появились три подросших щенка и стало ясно ее недавнее беспокойство. Она растянулась возле огня, а выводок, не взирая на источающие жар головни, с жадностью припал к сосцам.

Едва над морем поднялась заря, грифон сорвался с останца и, обдав людей ветром, полетел на восток. Потом встала волчица, стряхнув с вымени потомство, потянулась и не спеша удалилась на запад. В час, когда из багровых вод выплыл Дажьбожий хорс и солнечный ветер вновь вздул головни священного огня, у ватажников угасла последняя надежда...

Жилище Вящеславы стояло над глубоким руслом затона, прикрытое с полунощной стороны нависающими скалами. Величественный, гигантских размеров замок имел форму вытянутого овала, по переду вздымались вверх две круглых смотровых башни, а между ними – высокие морские ворота, так что корабль мог заходить внутрь этой мощнейшей крепости. Все вокруг утопало в зелени буйного сада с диковинными плодоносными деревьями, растущими

лишь в редких полуденных странах, поскольку сам затон и еще множество источников были горячими и источали тепло круглый год.

Замок был возведен по арварской строительной науке времени Варяжа, из ледниковых валунов, подобранных друг к другу так, что стены и своды казались монолитными. На общем темно-зеленом фоне выделялись многочисленные белые стрельчатые окна, украшенные козырьками из красного камня, когда-то белые, но пожелтевшие от времени колонны, арки и башни. Для воображения иноземца этот замок был действительно жилищем богов, ибо поражали размеры окон, дверных проемов и высота залов – в семь-восемь сажен. В Былые времена, когда теплый Варяж доставал побережья Арварского моря и изгонял зимние месяцы, подобные замки и дворцы во множестве стояли вдоль морского побережья, на устьях рек и затонов, либо над ними. Арвары не обрабатывали камень и не копали каналов, ибо несообразный результату, а значит, бессмысленный этот труд был исключительно рабским, то есть неприемлемым для вольных русов и росов. Они владели иной, чем в остальном мире, космической, безугольной геометрией, в основе которой лежали круг и шар, поэтому умели строить здания совершенных форм из дикого, чаще всего округлого камня, вызывая недоумение иноземцев. К тому же обладали искусством возводить свои замки, не потревожив богини Природы, а напротив, прислушиваясь к ее советам, и потому двух похожих дворцов было не сыскать. Но ныне от всех, даже самых прекрасных, остались лишь развалины, откуда смертные теперь брали камень для возведения крепостных стен: русы давно уже не строили таких замков, которые в долгие зимние месяцы не натопить было никакими печами, и чаще использовали теплое дерево. Единственным дворцом, возведенным по арварской науке, но игрушечных размеров по сравнению с замком Вящеславы, владел государь русов, Сувор.

Однако жилище бессмертной не было вечным, известковый раствор, который в полуденных странах лишь крепчал от времени, здесь выветривался, вымывался частыми дождями и пылью морской, потому всюду были следы разрушения: по верху стен, на закомарах, на выступах, в нишах и даже на площадках башен росли угнетенные ветром деревья, разламывая корнями кладку. Огромные валуны срывались и падали к подножью замка, отчего вокруг образовался каменный вал, железные морские ворота, видимо, давно не закрывались и теперь трубно поскрипывали от движения воды по затону. Булыжная мостовая к морю заросла травой, словно Вящеслава по крайней мере год не выходила из замка, диковинный, древний сад вокруг заметно одичал и повсюду гнили павшие наземь плоды, источая сладковатый тленный дух.

Запустение вызывало беспокойство, к тому же настораживали необычные свежие тропы на траве, разбегающиеся во все стороны от замка – то ли крупные собаки набили, то ли звери, не оставляющие четких следов. Посольство направилось было к воротам, однако в это время над головами заклекотал грифон, и тревога его была услышана даже глухими к птичьим языкам варягами. Они остановились на мостовой, в десятке сажен от ворот, озираясь по сторонам, и тут зашевелилась высокая трава и неожиданно стихли птицы в заброшенном саду. Орел же сделал круг, высмотрел что-то и пал камнем в заросли; и оттуда, спасаясь от когтей, выскочило существо небольшого роста, обряженное в баранью шкуру, в руках же была тяжелая секира.

– Обры! – крикнул Сивер, выхватывая меч.

Ватажники бросились к воротам, но в это время пространство окрест будто взорвалось: из травы, с крон деревьев, из-за каменного вала под стеной одновременно возникло несколько сотен людей, ростом чуть больше полусажени, вооруженных драгоценным и тяжелым для маломощных воинов оружием, наверняка взятым с жертвенников – разнообразными мечами, секирами, колычами и даже золотыми шестоперами. Это было также странно: обры изготавливали собственное оружие, соразмерное росту и силе, чаще всего остро заточенные многолапые крючья, которыми рвали животы и рассекали сухожилия на ногах противника.

Отрезанные от крепости, варяги встали спина к спине, не опуская кольчужных забрал. А обры сжались вокруг них плотным кольцом на расстоянии копейного броска и на минуту

замерли, вращая мутными малозаметными глазами, с водяными зеницами, за что обров прозвали «безокими».

Варяги ожидали всё – встречу со спорадами, греками, приспешниками и прочими мореходами, ищущими остров или саму Вящеславу, но только не обров. О том, что они вдруг появились здесь, двадцать семь месяцев назад еще не знали на варяжских берегах; весть о них, должно быть, звучала в Кладовесте, но молву его было слышно лишь на суше. На море же все заглушал свистящий ветер и рев набегающих волн, хотя волхв Сивер, уединившись, часто слушал небо. Или притупился слух и не внял его гласу? Каким образом эти воинственные люди, древнее порождение арваров, смогли попасть на затерянный полунощный остров, если боялись моря, страдая водобоязнью, и за все былое сухопутное время не построили обыкновенной лодки?

Но вот оно, безбородое и безокое чудище – наваждение, рок Дажьбожий, сверкало золоченым, но с ржавыми клинками, оружием и пронзало ватагу острым взглядом.

И что-то выжидало или медлило, вкушая предстоящий миг сражения.

Не выпуская меча, Сивер поднял руку:

– Слушай меня! Я рус Сивер! Прежде чем согнуть под нашими мечами, скажи, обрище, что тебе нужно?

Если каждый рус или рос имел свою личную волю, то у их грешного творения была одна воля на всех и оттого обры становились особенно опасны. Эта сыновья арварам порода людей, жертва кровосмешения, унаследовав многие качества прародителей, сражалась неистово и не жалела жизни, ибо каждый обрин в отдельности, не владея собственной душой, не испытывал страха смерти и это обстоятельство приближало всю породу к бессмертию.

Прежде у обров не было князей, предводителей и вождей, они жили по законам муравьиной семьи, повинуюсь определенному внутреннему ритму. Когда-то они были безбожны и слепы оттого, что глаза не имели зениц, кои всегда знак бога в человеке, а лишь черные точки зрачков, потому видеть могли только ночью и, кроме воды, боялись также солнечного света. Но со временем обры начали прозревать, ибо обрели своего бога, принесенного к ним извне чужеземными проповедниками, коих называли богодеи.

В далекие полунощные края они приходили вместе с купцами и сначала торговали на ярмарках, рассказывая про чудеса, которые творит их бог Мармана, но арвары смеялись над ними и принимали за заморских каликов, веселящих народ. Та к вот, эти богодеи прослышали, что в глухих лесах живут дикие, безбожные обры, и пошли к ним. Сначала они раздавали им топоры, ножи, иглы, одежду и сладости, говоря, что все это дары их бога, но обры просили еще и еще, и тогда богодеи стали учить их своей вере, дабы вымолить у небесного покровителя еще больше даров, особенно сладостей, ибо безокие ничего слаще, чем кровь, не вкушали. Однако вовсе усмирить дикий нрав богодеям было не под силу, поскольку обры, как гнус, не могли размножаться, не вкусив арварской крови. Вот тогда проповедники возглавили многочисленные племена безоких и сами стали водить их в набеги. С тех пор безоких и называли обрищем, ибо видом своим они напоминали огромного змея, гада ползучего: впереди на носилках несли богодея, окруженного стражей и верными слугами, и это была голова; за ней тянулось длинное тулово, которое заканчивалось хвостом. Если же змеи сползались из всех затаенных убежищ, то сплетались в единое многоглавое чудище и не было от него спасения на арварских землях.

Сивер ждал, и безокие ответили горделивым, вызывающим хором, ибо имели единую волю на всех:

– Я послана нашим господом, чтобы отнять кровь у Вящеславы! И я возьму ее после того, как выпью вашу!

В тот же час кольцо вокруг сжалось и разыгрались мечи, свара вскипела мгновенно, вздыбилась морской волной и, пузырясь, облеклась красной пеной. Бесстрашные до безумия суще-

ства, осыпав ватажников бесполезными стрелами, бросались под мечи, норовя ударить кольчем под кольчугу или уязвить пах, и потому не звенело оружие в этой битве. Задние напирали, стаптывали передних, с нечеловеческой страстью стремясь ввязаться в бой, и если бы на мгновение ватажники разомкнули спины или б кто-то притомился играть мечом, в тот миг бы над поверженными варягами возник курган из обров. Но пока их срубленные головы дождем стучали о землю, тела осыпали шевелящийся вал вокруг ватажников, а через него устремлялись все новые и новые волны, и создавалось впечатление, что бьются варяги с неким ползучим и бессмертным чудовищем.

Наконец и эта буря пошла на убыль, иссякла обринская сила, усмиренная мечами. Последних ватажники обезоружили и придавили ногами к земле, решая, брать ли в плен. Беспомощные, они трепыхались в крови, норовя выскользнуть и спастись. Из шести захваченных оказалось четыре женщины: внешне пол определить было трудно или вообще невозможно, ибо мужчины безбородые и женоподобные, поэтому захваченных следовало бы не оставлять в живых. Обры размножались стремительно, поскольку будучи сами жертвой кровосмешения, не признавали этого греха.

Каким образом люди из этой породы, не боящиеся смерти, но теряющие рассудок от вида воды, попали на остров и зачем осадили жилище бессмертной, оставалось загадкой, а захваченные в бою, придавленные к земле, безвольные и бездушные обры лишь верещали от злобы и норовили укунить за ноги. Посоветовавшись, варяги не стали брать полон, вознесли и опустили мечи.

И в тот же миг будто бы с неба донесся до слуха суровый и властный голос:

– Вы осквернили мой остров, чужеземцы!

Послы подняли головы и позрели Вящеславу.

3

Без малого год, каждую ночь, как только Кладовест принес молву о разгроме императора Вария на суше и море, Сувор поднимался на площадку полуденной башни и смотрел в морскую даль западной стороны, держа в руке или играя веревкой, привязанной к языку вечего колокола. Князь и Закон русов, именуемый государь, начинал забывать его голос, ибо когда дружина уходила воевать в чужих землях, звонить разрешалось лишь в тех случаях, когда приходило известие о победе или поражении. Поэтому Сувор иногда прикасался к колоколу или бережно гладил медь, вызывая тихое и медленное звучание. «Когда же ты запоешь, брат?» – спрашивал он. Сувор понимал, что это нетерпение вызвано старостью, но оправдывал свое возбужденное, не приличное возрасту состояние тревогой за сыновей и их дружины. Два с небольшим года назад по благому слову владыки солнца он послал младшего Космомысла в земли бритов и герминонов, покоренных императорами Ромеи. Послал в тот час, когда император Варий со свитой и жрецами нового бога явился в полунощные ромейские провинции, дабы показать свои намерения покорить варваров.

За странами бритов и герминонов лежали земли полунощных народов, и рабство подобралось почти вплотную к их границам. Мало того, арвары, жившие на западных берегах Варяжского моря среди герминонов, оказались плененными, и была молва, что их поработили и уже распродают на рабовладельческих рынках Середины Земли. Дабы отеснить Ромею, живущую за счет труда невольников и проповедывающую бога рабов, по воле Дажьбога Сувор и послал своего исполина на трехстах больших и малых хорсах, с варяжской пешей и конной дружиной в девять тысяч.

И уже по своей воле, когда Кладовест принес молву о победе, отправил старшего сына Горислава с наскоро собранной «старой» дружиной против восставших в паросье обров, осадивших стольный град росов, Благород.

И с той поры каждую звездную ночь Князь и Закон русов выходил в чистое поле, опускался на землю, приложив к ней одно ухо, второе же обращал к небу и, надолго затаив дыхание, слушал Кладовест.

Он и доныне существует над всеми полунощными странами, рожденный излучением Полунощной звезды. Незримый при свете солнца, Кладовест проявляется лишь с наступлением сумерек в виде разноцветных косм света, и тогда каждый, кто не утратил волю и слух, может услышать глас богов и голоса предков, ибо всякое сказанное слово, произнесенное даже шепотом, навечно вписывалось в небесную книгу, называемую кладезем вестей. Когда говорят земные люди, он красится в зеленоватый или желтый цвет, но если слово молвят боги – космы света колышутся от их дыхания и охватываются всеми цветами радуги. Пришлые из полуденных стран купцы, путешественники или странники, попадая в арварские области, немели от дива, когда ночное небо расцветало радужными космами и стояло так до утренней зари. Глухие к гласу неба, они слышали лишь тихий шорох, известный и поныне, и называли это явление Полунощным сиянием.

Предание арваров хранилось в памяти поколений и обычно передавалось из уст в уста, ибо считалось, что любое слово, положенное на харатейный лист, шелк или простую бересту, доносило только мертвый смысл и утрачивало магическую, божественную силу. Письмом пользовались лишь в быту, для дел земных, а бытие доверяли слову живому и текущему из уст, как течет вода в реке или живица в чреве корабля, потому устное Предание иногда называли Речью. Всякий отрок вкушал сей нектар не от родителей, как принято считать, а из уст дедов, поскольку внуки – те, кто находится в науке, всегда прилежнее внемлют старости, нежели молодым отцам. Однако был еще один источник – вечный, порожденный Полунощной звездой и существующий вне разума – Кладовест. Даже если бы прервалась преемственность, но оста-

лась воля и слух, способный уловить Речь в шелесте сияющего косма и внять не гласу богов, слышать который могли только бессмертные исполины да некоторые волхвы-старцы, живущие в чертогах Света, а всего лишь голосам предков, прежний мир восстановился бы за одно поколение.

Еженощно Сувор выслушивал небо, однако в Кладовесте молчали боги и люди, только шелестели тихие речи давно ушедших в мир иной да смеялись беззаботные дети.

Лишь спустя семнадцать месяцев, как младший сын Космомысл отправился на ромеев, вдруг смолкла всякая молва, заглушенная с юности знакомым гласом битв – раскатистым боевым варяжским кличем – ар-ра! – звоном мечей, стуком щитов и пением огненных стрел, ибо оружие становилось устами воинов и достигало Кладовеста наравне с мольбами и хрипом умирающих. Сувор слушал молву неба, оставаясь в хладном варяжском спокойствии, но все чаще из-за облачной выси доносился победный клич арваров – ура! – и щемящая грусть охватывала сердце Князя и Закона.

За последние триста лет существования Ромейской империи это был пятый победный поход, однако Сувор не испытывал радости, ибо знал, что ромеи скоро оправятся от поражения, освободят тысячи рабов, чтоб воссоздать свои легионы, и не пройдет тридцати лет, как новому государю придется воевать с новым императором.

Мира не могло быть до тех пор, пока ромеи жили за счет рабства и взирали на весь остальной мир как на средство пополнения своих рынков, где продавали невольников.

Тр и последних тысячи лет виною всех войн на земле, не ведая того, стал раб.

Когда-то русы и росы, нарушив запрет кровосмешения, породили обрище, от набегов которого теперь страдали сами, выстраивая неприступные крепости. Подобным же образом возникли на земле и рабы, о чем Предание арваров сохранило отдельную повесть. В те времена, когда на месте Арварского моря был материк и теплый Варяж омывал его берега, далеко отсюда, в жаркой полуденной стране, где солнце не дает тени и жизнь возможна лишь по благодатным берегам морей и рек, существовал вольный и сильный народ, называющий себя фарны. Считалось, что они божественного происхождения, на Землю с неба их принес железный сокол всего на тысячу лет, дабы облагородить и обустроить земную жизнь. Однако сокол не вернулся за фарнами и они остались здесь навсегда, но не потеряли надежды и, как арвары Варяжа, все время смотрели в небо и ждали свою железную птицу.

Варяжские ватаги бывали в тех местах, и говорят, что и ныне в непроходимых зарослях можно увидеть руины от некогда прекрасных городов, гигантские надгробия в виде каменных неземных зверей, а их золотые монеты с изображением Хорса до сей поры ходят по всей Середине Земли. У фарнов были очень строгие родовые законы, не допускавшие смешения с другими народами, поэтому жили они обособленно, укрывшись за песчаными пустынями. Говорят, не пускали к себе даже купцов и торговали только за пределами своей страны, но не обычным товаром, не тканями, винами и фруктами, а золотом, которое добывали из песка и камня. Этот блестящий, солнечный металл считался у них ритуальным: фарны изготавливали из него обручи на запястья, лодыжки, шею и голову, но самое главное – делали себе золотые зубы. И все это будто бы не для украшения; будучи по происхождению небесными, они не переносили земного воздуха, насыщенного всякими испарениями, а золото спасало их от болезней и продляло жизнь. По вере фарнов, если сокол возвратится за ними, то возьмет на свои крылья лишь молодых, здоровых и непременно целомудренных юношей и девушек, а остальные останутся доживать свой век на Земле. Поэтому каждое поколение готовилось улететь в небо, берегло здоровье и строго соблюдало закон целомудрия до двадцати пяти лет, после чего можно было жениться и выходить замуж. И это был самый тягостный закон жаркой и влажной страны, где все располагает к томной неге, и юноши-фарны тайно совокуплялись с обезьянами, которые во множестве жили в лесах.

От такого соития у них рождались любопытные существа – кощи, которые стремились к людям, но еще были не способны жить с ними, ибо в них обнаруживалось много звериного и они еще могли кормиться в лесу. И вот от совокупления с кощами появлялись мирные и очень сильные полулюди, которых называли рабами. Никто не знал, сколько их развелось в непроходимых лесах, рабы редко выходили к людям, поскольку их ловили, одомашнивали и использовали для тяжелого труда. Они отличались послушным характером, трудолюбием и сметливостью, поэтому скоро фарны отвыкли что-либо делать своими руками. Разум же прирученных полуживотных, случайно вышедший из небытия, от общения с хозяевами быстро развивался, и настал тот час, когда они осознали, что люди – боги или, на языке фарнов, господа и владеют неограниченной властью над ними лишь потому, что обладают золотом. Рабы определили, будто этот чудодейственный металл дает волю, разум и власть!

Вначале они стремились всего-то прикоснуться к золотым обручам господ, и это считалось за счастье, но скоро стали красть мелкие крупинки, когда добывали его из песка, или случайно оброненные монеты, однако это не давало ни власти, ни свободы. Возникшая со временем страсть к золоту захватила еще неустойчивое сознание рабов; они стали грабить и убивать своих господ, опустошая целые города, чтобы, уподобившись хозяевам, сделать себе обручи и зубы. Тогда фарны решили изгнать их из своей страны, однако из лесов вышли целые полчища неприрученных рабов и господа бежали от них в пески.

Была молва, будто они нашли приют на неких зеленых островах в теплом море, где живут до сих пор, смешавшись с другими народами, но в Кладовесте звучало и иное: мол, за фарнами все-таки прилетел железный сокол и много целомудренных юношей и девушек с золотыми зубами унес на небеса.

А рабы, захватив города фарнов, разрушили их, взяли себе все золото, в том числе и из могил, однако не получили желаемой власти и остались рабами. Тем временем, прослышав о бегстве фарнов со своих богатейших и благодатных земель, в их страну сквозь пески устремился народ, называвший себя кравоты. Они отняли у рабов захваченные ими драгоценности, а самих сделали невольниками и стали торговать золотом, как фарны. Поскольку новые хозяева не умели добывать его из песка и камня, то скоро желтый металл закончился, и тогда кравоты стали продавать рабов, которых в лесах развелось неисчислимое количество. Укрошенных и прирученных полуживотных сначала покупали для подсобных работ в хозяйстве, позже стали использовать как тягловую силу и для подъема тяжестей на строительстве, но постепенно область применения невольников расширялась, пока всякий труд не стал работой.

Скоро весь полуденный мир вкусил, что значит быть господином и иметь беспредельную, божественную власть над человекоподобным существом. Рабовладение стало признаком не только богатства; имея под руками этот разумный и послушный скот, человек смог творить дела, посильные только богу, – поворачивать реки вспять и орошать пустыни, передвигать целые скалы, строить гигантские дворцы и погребальные пирамиды. Однако пришло время, когда всех рабов, произошедших от обезьян, продали, и леса в стране фарнов опустели, а полуденный мир уже не мог жить без них, и потому стали поработать людей, обращая в полуживотных себе подобных.

Рабство расплодилось по землям, как заразная болезнь, и охватило многие народы. В пору, когда полуденные рынки рабов были переполнены, варварских пределах, у арвагов, скандов и родственных им герминонов тоже стали появляться корабли, нагруженные этим дешевым товаром, способным круто изменить мировоззрение.

В полунощных странах, где существовал *труд* как основополагающий принцип божественного бытия человека – принцип *вольного творения*, – состояние рабства, тем паче понятие рабовладения было неприемлемым, ибо напоминало безбожную жизнь диких зверей.

В рабовладельческих полуденных странах полунощные народы стали называть одним общим названием – варвары, вложив в него отрицательный смысл, и стало делом чести воевать с ними, а захваченных в плен или покоренных обращать в рабов, поэтому мира между этими сторонами света не могло быть никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.